

МИХАИЛ СЕТРОВ

**ВОИНСТВУЮЩАЯ
ОЛИГАРХИЯ США**

**ПРОТИВ ВСЕГО
МИРА И НАС**

Михаил Сетров

**Воинствующая олигархия
США против всего мира и нас**

«Алисторус»

2019

УДК 327.8
ББК 66.4(2Рос)

Сетров М. И.

Воинствующая олигархия США против всего мира и нас /
М. И. Сетров — «Алисторус», 2019

ISBN 978-5-907211-92-6

Россия-СССР выполнила одну из важнейших своих исторических миссий – она показала человечеству, запутанному идеологической пропагандой, политической, экономической и военной паутиной капиталистических пауков-олигархов, как можно разорвать эту паутину всемирных кровососов. Показала пример более экономически эффективного и справедливого социально-политического строя, благодаря господству которого Россия восстала из пепла революции и гражданской войны, и сумела спасти человечество от коричневой чумы, возвращенной капитализмом. Другой, незавершенной миссией России, является задача преградить путь к мировому господству правящей элите США, стремящейся окончательно не только экономически, но и политически подчинить все остальные страны мира. Таковы постулаты книги М. Сетрова, которую автор предлагает своим читателям. Перед вами издание 2-е, исправленное и дополненное.

УДК 327.8
ББК 66.4(2Рос)

ISBN 978-5-907211-92-6

© Сетров М. И., 2019
© Алисторус, 2019

Содержание

Предисловие	6
Раздел 1	9
Очерк 1	9
Очерк 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Михаил Сетров
Воинствующая олигархия
США против всего мира и нас

Правда.

Ничего, кроме правды.

Ошибки возможны, но ложь – никогда!

Издание 2-е, исправленное и дополненное.

© Сетров М. И., 2019

© ООО «Издательство Родина», 2019

Предисловие

Россия-СССР выполнила одну из важнейших своих исторических миссий – она показала человечеству, запутанному идеологической пропагандой, политической, экономической и военной паутиной капиталистических пауков-олигархов, как можно разорвать эту паутину всемирных кровососов. Показала пример более экономически эффективного и справедливого социально-политического строя, благодаря господству которого Россия восстала из пепла революции и гражданской войны и сумела спасти человечество от коричневой чумы, возвращенной капитализмом.

Другой, незавершенной миссией России является задача преградить путь правящей элите США к мировому господству, стремящейся окончательно не только экономически, но и политически подчинить все остальные страны мира, лишить их той доли свободы и равенства, которую они завоевали в борьбе с фашизмом.

Проблема, однако, не в том, что кто-то хочет захватить власть над миром: в нынешней ситуации экономического и экологического хаоса это, возможно, было бы и не так уж плохо для судеб мира. Проблема в том, что властвующая олигархия пока что самой мощной экономически страны на Земле, интеллектуально и по уровню своей культуры не способна эффективно, разумно и справедливо править миром. Будучи безмерно алчной, развращенной своей экономической и политической властью почти над тремя континентами, она имеет цель захватить ресурсы остальных стран и, прежде всего России, обеспечить себя на следующее столетие. Путь к разбою может преградить только сохранившаяся мощь ракетно-ядерного потенциала России вкупе с народом Китая и Индии, которые только под этим российским «зонтом» избавлены пока от господства железной пяты американского империализма. Обеспечив себя ресурсами на ближайшее столетие и отодвинув экологически опасное производство в другие страны и на другие континенты, что они уже делают по отношению к Латинской Америке, правящая элита США окажется мало обеспокоенной глобальными проблемами человечества. А это и будет означать его конец – вместе, конечно, с безумцами из Вашингтона и Нью-Йорка.

Но дело не только в том, что в мире есть силы в лице олигархии США, стремящиеся под безобидной вроде бы вывеской глобализма захватить власть над миром в виде мировой империи Пан Америка – Америка везде! Однако, сама олигархия Северной Америки внутренне неоднородна, не только по своим деловым интересам, национальности (английский и ирландский кланы), уровню богатства, но и по политическому влиянию в стране и во всём мире. Вершину властной иерархии здесь занимают магнаты военно-промышленного комплекса и финансовые воротилы во главе клана Рокфеллеров. Они наиболее тесно связаны друг с другом, поскольку, как говорил ещё Дефо, «деньги как богатство порождают войны, они создают оружие, они одевают армии и ведут их для захвата новых богатств». Поэтому-то в войнах заинтересованы те, кто производит оружие и обеспечивает его производство финансами. А движет их поступками неутолимая алчность в получении прибыли и всё большего обогащения. Это, конечно, болезнь души, паранойя, издревле присущая многим людям. И эти люди постепенно сформировали социальный строй, соответствующий их болезненным устремлениям, названный Марксом капитализмом. Была сочинена идеологическая доктрина обоснования легитимности и добропорядочности этого строя, где сформулирован исходный его принцип «естественного права» частной собственности, её священности и неприкосновенности. И, конечно, идея свободного рынка, свободы предпринимательства и свободы конкуренции. Как будет показано в Очерках предлагаемой Книги далее, все эти догмы буржуазной идеологии, как и множество других, не только лживы по своей сути, но и находятся по отношению друг к другу в вопиющем противоречии.

Наиболее последовательно эти «принципы» реализованы и настырно пропагандируются как раз в «супердемократических» Соединённых штатах Северной Америки (в монархической Англии крупная собственность периодически национализируется, а значит, не является священной и неприкосновенной). Почему всё так происходит, и чем это грозит миру и нам с вами будет детально рассмотрено в предлагаемой Книге. Здесь лишь необходимо кратко изложить алгоритм становления власти олигархии США, её заговор в лице производителей оружия и финансовых магнатов против мира и нас, реализованного их кагалом ещё 100 лет назад в преступной организации «Консорция», преемницей которой сейчас является Трёхсторонняя комиссия Рокфеллеров.

На европейском континенте главным орудием Консорции была Англия в лице олигархии и её правительства. В Первой мировой войне победила Англия. Европа (континентальная) лежала в развалинах, потеряв более 10 миллионов человек (Англия только 740 тысяч и ее территория ничуть не пострадала), а ее претензии в Европе уже простирались и на всю Россию, которую англичане с французами договорились поделить «по-братски». Отсюда ясно, кто больше всех был заинтересован в общеевропейской и мировой сваре, кто ее исподволь готовил, а потом подзуживал дерущихся. Только английское руководство в лице наиболее влиятельного и активного его члена – Уинстона Черчилля могло заявить, что мировые войны «были отличной штукой».

Но Англия, как и сам господин, Черчилль, по существу, были лишь одним из главных орудий более мощных экономически сил своих кровнородственных братьев-пилигримов Нового Света, т. е. США. Эти «пилигримы» за счёт захвата лучших земель, как их недавних хозяев-индейцев, так и соседних государств, Мексики, например, беспощадной эксплуатации «черных и цветных» рабов, вновь прибывающих на континент белых братьев-сервентов, ещё не считающимися гражданами Союза и потому признаваемыми лишь «временными рабами», и самих малоимущих граждан штатов, прямого грабежа на больших дорогах Америки или пиратством на морях двух океанов – за счёт всего этого (но не только этого) они чудовищно обогатились, став вначале миллионерами, а потом и миллиардерами. Но на вершине пирамиды богатств оказались финансисты, а главное – производители оружия. Потому что оно было дорогим и его требовалось много: сперва для внутренней войны, которая быстро разрасталась по принципу «свободной конкуренции», а потом уж и для захвата колоний и рынка сбыта, прежде всего, сбыта оружия, которым штаты северной Америки уже совершенно перенасытились.

Ну, а если народы ближних и дальних стран воевать не хотят, и потому оружие им не нужно? Значит, нужно им найти врага, политическими, идеологическими и даже экономическими средствами (подкупом правителей, например) заставить их начать войну, которая потребует много оружия. Альянс главных производителей оружия США и Европы, существовавший уже в начале XX века негласно, оформился в качестве тайной организации в 1913 году в Испании и получил название «Консорция». Это был заговор олигархии во главе с магнатами ВПК Соединённых штатов против всего человечества (более подробно об этом заговоре см. далее в Оч. 14). Заговорщики сумели столкнуть разноречивые интересы стран и развязали первую мировую войну. Вторую мировую они готовили уже более «профессионально» и целенаправленно, главным образом против Советского Союза, хотя и существование Британской империи их не устраивало. Но здесь у них не всё так получилось, как хотелось: Британская империя понесла урон, а вот Советский Союз в военном отношении только укрепился. В значительной мере «подвёл» их протекте Гитлер, сама Германия и патриотизм советского народа. Национальная идея воюющих стран перехлестнула рамки их принципа «Для бизнеса нет национальных интересов». Но главное они всё же сделали – несказанно обогатились, и кровь на полях Европы превратилась в американское золото. Холодная война, идущая до сих пор, так же является делом их рук, поскольку мир наживающуюся на войне олигархию никак не устраивает. Конечно, во всей этой политической игре обнаружилось странное, на первый взгляд, «про-

исшествие»: страна «расы завоевателей» (по откровению сенатора Бивериджа) вдруг обнаружила «миролюбие», и заявила в лице своего президента о нейтралитете в мировом конфликте. Однако такого рода политика главного зачинщика войн полностью соответствовала целям Консорции. Они, в соответствии с китайской мудростью, хотели быть той обезьяной, что, сидя на вершине горы, наблюдает, как в долине дерутся тигры, и своими воплями разжигать ярость дерущихся. А когда «тигры» в лице Гитлера и Сталина поистребят друг друга, тогда можно и самим встрять в драку, забрав всё, что от них осталось. Планы эти в определенной мере нарушил их ставленник Гитлер и ими же инициированный «антикоминтерновский пакт». Они, как и Сталин, переоценили мудрость и хитрость Гитлера и его соучастников по «пакту»: т. е., как та взбесившаяся собака, напали не только на «Коминтерн», но и на самого хозяина, объявив США войну. Тогда и «хозяину» пришлось взять палку, чтобы взбесившиеся «собаки» грызли все-таки не его, а «этих русских».

А вот почему Гитлер (и не только он) вёл себя так странно, убедительных объяснений до сих пор не имеется. Здесь не проходит убеждение о его импульсивности и беспринципности: Гитлер обнаружил большую последовательность своих поступков, доказав это даже своей смертью, чем, положим, Черчилль, которого он называл лживой свиньёй, чего тот и не отрицал, заявив в своё оправдание, что для защиты правды нужно море лжи (каков софизм!). Но многое в его поведении, в том числе его поиск союза с ранее враждебной для него советской Россией, а потом не объяснимое ни с точки зрения здравого смысла, ни с позиции расчёта соотношения сил, условий ведения войны – становится понятным, если учитывать планы и цели Консорции в развязывании мировой войны. В этих планах, о которых Гитлер узнал от Муссолини, они были только пешками в большой игре американской олигархии, и будут убраны, выполнив свою роль. Учёт всего «выше (и ниже) сказанного» позволяет сформулировать новую версию причин и характера субъектов трёх мировых войн – двух «горячих» и одной «холодной», идущей до сих пор. Эта версия изложена в заключительном Очерке предлагаемой Книги.

Раздел 1

Россия и Запад, а между ними Польша

Очерк 1

Россия и Польша вчера и сегодня

Самой острой политической проблемой России в Восточной Европе всегда была и остается сейчас Польша. На отношениях Польши и России лежал (и лежит до сих пор) груз обид и взаимных поношений почти что тысячелетней истории. Когда-то в доисторические для России времена на нынешних ее землях и землях Польши по легенде поселились три брата – Лех, Родим и Вятко. Лех и дал основание роду, племени, а потом и целому народу – ляхам, т. е. нынешним полякам. Так что Лех Валенса, недавний президент Польши, всплывший из политического небытия и снова канувший в его лету на волнах русско-польских противоречий, носит древнее славянское имя и по своему характеру истинный лях. Конечно, легенда о трех братьях могла возникнуть и позже, постфактум, так сказать, но в любом случае она говорит о том, что соседние племена одного корня, имеют общего предка, т. е. они народы-братья, а их спор – спор семейный и посторонним лучше в него не вмешиваться. Но ведь вмешиваются, да еще как! Здесь уместно вспомнить слова А. С. Пушкина:

О чем шумите вы, народные витии,
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас – старинный спор с Литвой?
Семейный старый спор, уж взвешенный судьбой...

Вольности польских магнатов и шляхты как источник всех бед польского народа. Для Пушкина было ясно, кто победит – «кичливый лях иль гордый росс». (Ввиду объединения Польши и Литвы, её часто называли Литвой). Относительно нашей гордости Пушкин, конечно, преувеличил: она в большей степени была присуща польской шляхте, панам, но, к сожалению, это прекрасное качество души у них переросло в гордыню, спесь и кичливость, не имеющую под собой реальных оснований и потому обернувшихся для польского народа, да и самих панов большими несчастьями. Впрочем, Россия тоже испытала все прелести «вольности дворянства», которые привели страну к анархии, революционной смуте и братоубийству в гражданской войне.

В силу утвердившегося самодержавия русское дворянство не могло быть столь своевольным, как польское, и может быть потому Россия сохранила свою государственность до ныне, в то время как Польша четыре раза ее теряла. Конечно, истинные российские магнаты и шляхта – боярство – мало чем отличалась от своих польских собратьев: та же спесь и гонор, то же своеволие по отношению к верховной власти, жестокость в отношении к отданным им крестьянам, местничество и похвальба родовитостью. Но уже первые русские цари урезали права бояр, а когда они стали вносить в государственное управление смуту, то совсем свели их власть в государстве на нет; борьбу с российским шляхетством завершил Петр I, наделяя землей и чинами не тех, кто родовит, а тех, кто добросовестно служит отечеству. Правда, позже, при преемниках Петра I уже новое служилое дворянство, не без оглядки на своеволие польских панов, вернуло многие прежние вольности бояр, но, поскольку самодержавие царской власти сохранялось, то и эти «вольности» все же были ограничены. Польские же магнаты и родовитая шляхта полностью подчинили себе государственную власть, установив свою «речь посполи-

тую», т. е. шляхетскую республику со своим парламентом-сеймом и выборным королем. Власть короля при всей ее пышности была номинальной, а действительно правил тот или иной шляхетский клан, завоевавший, чаще всего с помощью собственных или иноземных войск, право поставить своего короля, который и становится игрушкой в их руках. В этих условиях, имея непомерные претензии на землю и холопов соседей и порождая тем самым многочисленных врагов, находясь постоянно в состоянии внутренней смуты, Польша не могла долго сохранять свою самостоятельность.

Парадокс здесь заключается в том, что чрезмерное самомнение и самоуверенность, заносчивость, доходящая до комизма, в конечном счете оборачивалась раболопием перед иноземными правителями, которых они, однако, постоянно меняли, не обременяя себя верностью. В этом, собственно, и заключался их патриотизм, которым они так кичились, не задумываясь, однако, отдаться первому попавшемуся иноземному властителю, лишь бы он сохранил и увеличил их личные владения. Польская графиня Валевская говорила Наполеону в присутствии французского министра иностранных дел Талейрана, ставшего губернатором Варшавы: «Ваше величество, сделайтеся королем Польши, и вся Польша будет благословлять вас и пойдет за вами». Вся Польша не пошла за Наполеоном, но отряд дворян-офицеров таки последовал за ним в Испанию, где и лег костью: не завоевав свободы для своей страны, они готовы были поработить другой народ для иноземного завоевателя. Правда, здесь нашла коса на камень – камнем оказался подлинный патриотизм испанского народа. Когда польские наёмники-гренадёры Наполеона врывались в женские монастыри Испании, они обнаруживали там покончивших с собой монашек с кинжалом в груди и везде испанцев-мужчин с вилами и топорами. Наполеон восстановил на время польскую государственность, но, конечно, не ради самой Польши. Старая лиса Талейран точно определил мотив этого жеста: «Если Польше дать самостоятельность, то она будет хорошей защитой от казаков». (Вот он – «санитарный» барьер!) Польша Наполеона от казаков не защитила, и они в 1814 году прогарцевали по парижским мостовым. Через сто лет Польша снова станет важнейшим элементом «санитарного барьера», теперь уже от российского коммунизма. Времена, как видим, меняются, меняется даже социальный строй, а вот политические доминанты Запада остаются все те же и по-прежнему, лишь иначе названные, направлены против России. Но мы оптимисты и потому верим, что правда восторжествует в сердце каждого честного поляка, а кровное родство окажется сильнее лжи врагов наших славянских народов. И даже сейчас, при господстве наследников Пилсудского и оголтелой антирусской пропаганды, 40 % поляков на стороне России. Когда же пробьет час, они встанут с нами рядом плечом к плечу. Поручкой тому:

Мицкевич и Пушкин! Сегодня
Над европейской преисподней
Их речи вольные слышны.
Они сквозь мрак осатанелый
Глядят возвышенно и смело.
И значит – Польша не сгинела.
Она не враг моей страны.

Кто предал восставшую Варшаву? Истинно патриотичным бывает только сам народ, его же правящая элита в интересах сохранения своих привилегий и богатств всегда готова отдать страну любому завоевателю, лишь бы он имел желание и возможность соблюсти ее интересы. Дворянство, как господствующая сила прогнивших режимов стран Восточной Европы, утратив экономические и моральные основания своего существования, использовала для сохранения своей власти самый примитивный, но и самый действенный рычаг государственного управления – идеологию национализма, раздутого пропагандой до шовинизма и расизма. Националь-

ное большинство страны натравливалось на меньшинства и на народ соседних стран, имея при этом к соседям территориальные притязания, причем это, как правило, взаимно. В общем-то, маленькие по территории и по числу населения, слабые экономически, а стало быть, и в военном отношении, все эти режимы готовились к войне и не только против столь же слабых стран-сателлитов, но и против великих держав. Так, Румыния лелеяла мечту приобрести не только Молдавию, но и всю Южную Украину. Польша планировала ни больше ни меньше как присоединить к себе всю Украину, чтобы Великая Польша была «от моря до моря». Они были в сговоре с фашистским руководством, планируя совместное нападение на Советский Союз, чтобы на основе предложенного Розенбергом «обмена», отдав Данциг, получить всю Украину. И это не мешало им морализировать по поводу «империалистических устремлений» великих держав.

Этот геополитический бред не выдумка, а реальность. Такие планы строил не только политический маньяк Пилсудский, но и деятели «польского правительства» в лондонской эмиграции. Они всерьез полагали, что после того, как русские и немцы окончательно истощат друг друга, Польша станет господствующей силой в Восточной Европе, Великой Польшей от моря до моря. Тут даже терпеливые англичане разводили руками и недвусмысленно крутили пальцами у головы. Ясно, что это были люди, утратившие всякое чувство реальности, но ведь они собирались снова управлять Польшей и, пользуясь антисоветскими кругами Англии, да и самим Черчиллем (это он был их «крестным отцом»), предпринимали шаги, приближавшие польский народ к новым катастрофам. И они случились: Варшавское восстание, задуманное лондонскими политиками именно как политическая акция – взять власть в столице не позже, чем за двенадцать часов до прихода Красной Армии. Не подготовленное в военном отношении, не согласованное с действиями союзных войск (советскому командованию вообще не было известно о начале готовящегося восстания) – оно было жестоко подавлено немцами, которые в отместку значительную часть варшавян расстреляли, остальных, позорно сданных Бур-Комаровским, депортировали, а город разрушили до основания. Это было еще одно преступление буржуазно-помещичьей камарильи против своего народа. Что им жизни сотни тысяч своих сограждан, если они не смогут им править, не смогут вернуть своих имений и шляхетских привилегий! Но авантюристы тут же нашли виновных – это, конечно, не они и даже не немцы, а Красная Армия виновата, что не поспешила на помощь.

А она спешила, но здесь на Висле и по реке Норове проходила последняя стратегическая полоса обороны немцев на пути Красной Армии к находящейся рядом территории уже самой Германии, а Варшава на этой линии рассматривалась ими как главный узел всей обороны. Поэтому сопротивление немецких войск здесь было отчаянным, их командование стягивало сюда с других фронтов все новые и новые дивизии, которые сходу и почти непрерывно контратаковали советские части и Первую Армию Войска Польского, рвавшуюся к родной Варшаве. Командовал в этом районе, и совершенно не случайно, поляк по рождению, талантливый советский полководец маршал Рокоссовский. В кровопролитных боях 14 сентября было взято на восточном берегу Вислы варшавское предместье Прага – за рекой сама горящая Варшава. Но немцы сосредоточили здесь столько артиллерии, танков и минометов, что при любой попытке форсировать реку вода в ней закипала от взрывов. Несмотря на это и на возражение советского командования, бойцы Войска Польского бросились в Вислу спасать погибающую Варшаву, захватили плацдармы на западном берегу, но тут же были контратакованы и сброшены в Вислу.

Мужественный воин маршал Рокоссовский плакал, слушая грохот боя и видя клубы дыма над любимой Варшавой, где, как он полагал, была его родная сестра. Но и он, командующий фронтом, практически ничем не мог помочь сражающемуся городу: связи с повстанцами отсутствовали, и не ясно было, где находились они, а где немцы, поэтому отпадала возможность использовать артиллерию и авиацию. Пытались сбрасывать с самолетов оружие и продо-

вольствие, но было ясно, что многие грузы попадут к оккупантам, что и было на самом деле. Желая опорочить советское руководство и разжечь ненависть поляков к русским, правоземлянская, особенно польская печать тогда и желтая пресса сейчас, твердят, что это Сталин нарочно приостановил наступление на Варшаву, чтобы дать немцам время подавить восстание. Между тем, Сталин настаивал на скорейшем ее взятии как главного узла сопротивления немцев на Висле, за которой уже просматривался Одер и Берлин, требовал от командующих соседними фронтами Жукова и Рокоссовского помочь восставшим варшавянам.

План операции по освобождению Варшавы был разработан давно, но осуществить его не удавалось из-за бешеного сопротивления немцев, контратаковавших советские наступающие войска, непрерывно бросая в бой лучшие части вермахта и войск СС, снятые с других фронтов. Они отеснили наши части местами более чем на сто километров. Потери с той и другой стороны были огромны: только 2-я танковая армия в этих боях потеряла около 500 танков и САУ, и командование вынуждено было отправить ее в тыл для пополнения. Эти потери были в 4 раза больше, чем при взятии самого Берлина. Большие потери и усталость войск, с тяжелыми боями наступавших более двух месяцев, вынудили Ставку приостановить наступление и пяти фронтам перейти к жесткой обороне. Только правый фланг Белорусского фронта продолжал наступление на Варшаву. Сталин, обеспокоенный положением дел под Варшавой, приказал Рокоссовскому и Жукову «еще раз внимательно рассмотреть вопрос о Варшавской операции и, пока идет подготовка, организовать доставку оружия повстанцам. Он приказал также для установления связи сбросить парашютиста с рацией».

Парашютиста сбросили, но он был схвачен немцами. Сбросили другого и он, хотя и контуженный, все же был обнаружен повстанцами, приведен в сознание и представлен руководителю восстания генералу Бур-Комаровскому. Но тот заявил, что Варшава не нуждается в помощи Красной Армии. Позже этот политикан в генеральских погонах начнет переговоры с немцами о капитуляции. Позорно сдав восставших немцам, Бур-Комаровский вскоре появился в Лондоне и нагло врал журналистам, что русские отказались ему помочь. Между тем оказалось, что из Варшавы на другой берег Вислы под рекой был тайный ход, через который наш радист был возвращен назад. По нему, при желании Бур-Комаровского, можно было постепенно перевести части Войска Польского и Красной Армии в город, но лондонских авантюристов это не устраивало: им нужно было захватить столицу «за двенадцать часов до прихода Красной Армии». Лондонское «правительство» в лице Бур-Комаровского предпочло сдать варшавян немцам, лишь бы только в город не вошли первыми русские и армия Войска Польского.

Парадокс заключается в том, что, формально находясь на стороне союзников, воюющих с фашистской Германией, польская шляхта в лице лондонских сидельцев была реально «в душе» на стороне немцев, а не Красной Армии. Была не изжита иллюзия, бытовавшая со времен переворота пана Пилсудского, вступившего в сговор с Гитлером против советской России и надеявшихся тогда, что Германия поможет Польше разгромить ее, захватить всю Украину, как это уже было в двадцатых годах. Разгром немцами Польши и превращение ее в «генерал-губернаторство Великого Рейха» не отрезвило польскую шляхту и она, даже сменив покровителей, продолжала склоняться к немцам в борьбе политической, а отчасти и военной против России-СССР. Это выразилось не только в том, что в катынском вопросе она приняла сторону геббельсовских провокаторов, но и договорилась с немцами о «почетной» сдаче Армии Крайовой, а заодно и Армии Людовой. Бур-Комаровский, несомненно, выполнявший волю «правительства» в Лондоне, сдал варшавян немцам, отказавшись от помощи Красной Армии и Войска Польского, – что же это, как не предательство польского народа во имя заведомо иллюзорного сохранения своей власти над ним? Сейчас эти же наследники Пилсудского, «ура-патриоты» отдали Польшу в руки натовских генералов, готовых поставить на ее земле американские ракеты с ядерными боеголовками, направленными против России, и им, конечно, не подкон-

трольные. Этим они навлекают в случае войны на польский народ ответный атомный удар российских вооруженных сил. Безумие очевидно, но это у них, похоже, в крови.

Восстание варшавян было подавлено, а Варшава освобождена советскими частями и Войском Польским только 17 января 1945 года в ходе Висло-Одерской операции Советской армии. Дорого заплатили советские и польские воины за освобождение Варшавы. Только за август и первую половину сентября потери советско-польских войск в этом районе составили 283 тысячи убитыми и ранеными, 600 тысяч советских солдат отдали жизнь за освобождение Польши. И после этого находятся моралисты, считающие поведение лондонских подстрекателей верхом добродетели, а действия советского командования безнравственными. Ну а где же была «Армия Крайова», созданная лондонским правительством на территории Польши и насчитывающая более ста тысяч человек? Да, небольшая, но, может быть, лучшая часть ее была в Варшаве и была предательски сдана немцам. Но основной контингент ее, скрываясь в лесах, бездействовал. Да и что Армия Крайова могла в этих условиях сделать, если ее главной задачей, поставленной лондонскими политиками, заключалась не в борьбе с немцами, а... в противодействии Красной Армии. В этом Армия Крайова смыкалась с задачами националистических банд Бандеры, хотя и между собой они тоже враждовали.

Но ведь была еще одна сила, взлелеявшая шляхетское правительство в эмиграции. Кстати, на нее-то и возлагало оно надежды восстановить свою власть в Польше. Эта сила благословляла все их авантюры и обещала всяческую помощь, в том числе и высадку морского и воздушного десанта. Это, конечно, английское правительство во главе с Черчиллем. Что же сделали они, чтобы помочь Варшаве? А ничего! Настолько «ничего», что немцы смогли для нанесения наступающим советским войскам в этом районе мощного контрудара снять с Западного фронта 18 дивизий и 4 бригады. А подстрекатель Черчилль только слал Сталину «тревожные» письма с просьбой усилить нажим на немцев. Имея в распоряжении (вместе с американцами) огромный воздушный флот с большим числом авиадесантных средств и немалый опыт десантных операций, англо-американское командование и пальцем не пошевелило для спасения Варшавы. Если, конечно, не считать несколько контейнеров, которые, дабы избежать потерь от немецких зениток, были сброшены с больших высот и потому почти что все оказались у немцев. Сбрасываемые советской авиацией контейнеры практически все попали к повстанцам, поскольку это делалось с низких высот, почти что с бреющего полета.

Надо отдать должное военным: они в противоположность политикам без околичностей заявили: «Да, в создавшейся обстановке советские войска и не могли взять Варшавы». Еще бы! Они-то хорошо знали силу немецких контрударов. Когда в Арденнах Вермахт лишь одной танковой армией нанес его, они, побросав всю свою могучую технику, бежали без оглядки, призывая на помощь русских. Спасая союзников, долго готовившуюся Висло-Одерскую операцию мы начали на восемь дней раньше запланированного. В бешеных контратаках немцы исчерпали свои силы, и потому не до конца подготовленное наступление все же оказалось для них сокрушительным, их порядки смешались, и отступление стало беспорядочным, так что часто советские части оказывались окруженными отступающими немцами. За несколько дней преодолев пространство между Вислой и Одером, советские войска в нескольких местах сходу форсировали эту водную преграду и создали плацдармы для дальнейшего наступления, теперь уже на Берлин.

Польская шляхта предала свой народ в угоду собственным корыстным интересам и интересам их западных покровителей. Подобное поведение дворянства характерно для всех лимитрофных стран, но в Польше оно проявилось в крайне негативной и позорной форме. Предательство произошло гораздо раньше официально признанного начала Второй мировой войны, когда на предложение Англии и Франции о их совместных с Советским Союзом гарантиях защиты от германской агрессии, шляхетское правительство Польши от советских гарантий отказалось. Еще раньше оно отказалось пропустить советские войска к границе

Чехословакии для ее защиты от немецких захватчиков и понятно почему: они сами имели захватнические замыслы против этой страны и совместно с Германией и Венгрией участвовали в ее разгроме после мюнхенского сговора западных «демократий» с Гитлером.

Так что вторая мировая, как уже отмечалось ранее, началась не 1-го сентября 1939 года, (так ныне утверждает Запад), а в период разгрома Чехословакии, когда в Европе начали рушиться границы государств, в чем панская Польша приняла самое активное участие на стороне фашистской Германии, так что она была таким же агрессором, как и Германия с Венгрией, и зачинщицей второй мировой. Это было ее предательство мирового сообщества, противостоящего фашизму, за что она тут же и поплатилась, будучи разгромлена недавним союзником. И предательство продолжалось, теперь уж шляхетским правительством своего народа: оно бросило его на произвол судьбы, бежав в Румынию, ближайшую союзницу немцев, хотя значительная часть страны еще была не оккупирована; за ним вслед трусливо сбежал и главнокомандующий, оставив отступающую армию без руководства. Да, здесь им явно не хватало Пилсудского, бывшего полковника Русской Армии, хотя при столь очевидной невменяемости и трусости высшего руководства и он бы не помог Польше. А кто бы помог? Они всегда ищут дядю, чтобы, угодилая ему, самим ничего не делать. Может Франция, которая спонсировала польских панов в знаменитом 20-м году, поскольку еще раньше поляки своей кровью спасали Париж? (Русское командование по просьбе французов для защиты Парижа направило крупное, состоявшее из поляков подразделение, которое позже воевало уже против России, ставшей советской). Но сейчас Франция сама вскоре будет разгромлена, причем по той же причине предательства правительства и командующего. И тогда остался только дядюшка Буль, так что «правительство в изгнании» поселилось в Лондоне.

Здесь оно и начало свою злокозненную деятельность по дальнейшему стравливанию России и Польши в угоду западноевропейским и североамериканским врагам России, не забывая своих захватнических интересов, абсолютно нереальных по воплощению и фантастических по грандиозности. Этой фантастичностью и нереальностью грешило и их требование к Советскому Союзу вернуть Западные Украину и Белоруссию в состав Польши. Оно стало главным козырем в борьбе с советской Россией и возбуждении неприязни поляков к русским, а позже им стала и трагедия Катыни, преднамеренно приписанная советскому правительству.

Известный политический деятель Польши, прошедший вместе с Первой польской армией от Ленино до Берлина, Збигнев Залуский в своей книге «Сорок четвертый» (М., 1978) на основе обширного документального материала и собственных наблюдений вскрывает антинародный характер бывшего шляхетского правительства, тогда подвизающегося в Лондоне. Из страха надвигающихся вместе с крахом фашистской Германии революционных преобразований в самой Польше, его шляхетский интерес совпал с интересом поработителей Польши. Они сформировали принцип «двух врагов» – Советская Россия и Германия, но больше склонялись к Германии. А общность интересов заключалась в стремлении остановить продвижение на Запад Красной Армии, не желая, чтобы она вступила в Польшу, хотя другого способа освободить ее от порабощения и ускоряющегося истребления поляков не было. Западные союзники, застрявшие после дня «Д» во Франции и Бельгии, не только не собирались спасти Польшу от немецкого геноцида, но и сами бросали в бой оказавшихся на западе поляков, которые таким образом по безволию и пресмыкательству своего шляхетского правительства гибли тысячами. И вот, однако, в «Инструкции правительства Речи Посполитой для командования Армии Крайовой» от 27 октября 1943 года, т. е. еще до подхода Красной Армии к границам Польши они объявляли в пункте Б11: «Польское правительство заявляет объединенным нациям протест против нарушения – в результате вступления советских войск в Польшу без согласования с польским правительством, – польского суверенитета, информируя одновременно, что оно не будет сотрудничать с советским Союзом». Но как можно согласовать что-то, не вступая в сотрудничество? Ясно, что здесь преднамеренно создана тупиковая ситуация, призванная

остановить советские войска и Первую польскую армию у границ Польши. Явный абсурд. Но не менее абсурдно заявление о некоем «суверенитете Польши» – в то время, когда она является генерал-губернаторством «Великого Рейха». Вступление советских и польских войск на территорию Польши как раз и имеет целью восстановить польский суверенитет, «профуканный» вами, господа шляхтичи, в сентябре 1939 года в результате игр с Гитлером, который обвел вас вокруг пальца. Но и здесь вы опять начинаете игру с ним, поскольку и он не заинтересован, чтобы Красная Армия переступила границу Польши, к которой теперь она уже подошла. Геббельс в листовке, миллионами разбрасываемой над расположением советских войск, буквально умоляет красноармейцев (он их так и называет) не переступать старой советской границы: «Вы уже достигли и частично перешли границы Советского Союза. Разве сталинская «Великая Отечественная война» не закончилась?» И далее он пугает наших бойцов конфликтом с союзниками, если они пойдут дальше. И такое вот откровение: «Уже три года ваши союзники обманывают вас, чтобы вы продолжали борьбу, они ведь еще в 41-м году обещали вам второй фронт. В течение трех лет вы в одиночестве проливаете свою кровь...» Что ж, как говорится, лжец врет и врет, да вдруг и правду скажет.

Совпадение интересов «лондонцев» и гитлеровцев З. Залуский называет игрой с дьяволом. Задачу противодействия Советской армии со стороны Армии Крайовой лондонцы определили в качестве особой операции «Буря». «Офицеры АК, едущие на восток осуществлять операцию «Буря», – пишет Залуский, – еще не знали, что их действия на «пороге Европы» трагически совпадут в пространстве и во времени с тем, что говорил в своей пропаганде враг...» А ведь через какую-либо неделю или месяц в тяжелых боях они сами – командиры партизанских соединений – будут молиться, чтобы красноармейцы не остановились «на пороге Европы». Потому что «для жителей Волынского округа приход Советской армии означал спасение от почти неизбежного истребления, которым угрожали им как немцы, так и украинские националисты». А польский генерал Андерс, которому советское правительство не только разрешило сформировать из бывших солдат и офицеров польской армии новую армию, вооружить её, но и переправить по его настоянию на Восток к англичанам, не постеснялся заявить американскому генералу Патону со смехом, что, «если бы его корпус оказался между немецкой и русской армиями, то ему трудно было бы решить, с какой из них он больше хотел бы сразиться». Такие вот шуточки. Но скорее всего генерал Андерс решил бы сразиться с Советской армией, поскольку лондонские политиканы в генеральских погонах, как и их «правительство» ставили задачу столкнуть с ней Армию Крайову, чтобы кровавой чертой разделить польский и советский народ. Трусливые и подлые людишки, прячущиеся за спиной своих давних хозяев. В инструкциях АК и переговорах с ее командирами «лондонцы» конкретизировали эту задачу. «Бур поставил точки над «i». Речь шла о том, чтобы вынудить Советский Союз применить против АК силу... Речь шла о том, чтобы пролилась кровь. О том, чтобы кровь, разочарование и горечь превратились бы в непреодолимую преграду, отделяющую Польшу от Советского Союза» – пишет Залуский. Советское командование, несмотря на имевшие место провокации отдельных польских офицеров, сохраняло выдержку и терпение, как бы не замечая этих провокаций, продолжая демонстрировать дружеское отношение к польским солдатам и их командованию.

Но «игра с дьяволом» сейчас, как и в 34-м, как и в 38-м годах оторванной от реалий жизни шляхты была дикой иллюзией потерявших всякие политические ориентиры людей. Действия подобных лишенных здравого смысла и совести политиканов, имели цель, опять же совпадающую с целью гитлеровцев, – вызвать конфликт между союзниками, как будто из-за лондонских сидельцев и их бредовых замыслов Черчилль будет ссориться со Сталиным, и на их стороне окажется новое германское правительство после назревающего переворота. Черчилль в своем кругу после провала заговора 20 июля 1944 года вздохнул облегченно, заметив, что неудача заговорщиков – к лучшему для союзников, поскольку иначе будет трудно объяснить безогово-

рочную капитуляцию Германии, которая в любом случае предпочтительнее каких-либо переговоров с ее новым руководством.

Но даже в случае успеха заговора, Польше, вопреки надеждам лондонцев, ничего «не светило». Дело в том, что идейный руководитель заговора Герделер предлагал, продолжая сопротивление большевикам, договориться с их союзниками «на основе возвращения всех завоеваний Гитлера. Всех, за исключением... Польши». Надежда «лондонцев» на то, что через столкновение АК с Советской армией и пролитая кровь поведет к конфликту и разрыву отношений между союзниками, была просто их наивной и глупой фантазией. Плевали англичане на их АК и самих поляков, гибнувших в Варшаве, если их надежда на спасение попавшей в окружение армии Монтгомери была связана только с наступлением русских, которые тем самым отвлекут немецкие части с Запада, что, кстати, и случилось. А передислоцированные дивизии немцев двигались к Варшаве и их могла бы остановить АК, специально сосредоточенная у немецких коммуникаций, и потому, вопреки надеждам сражающихся варшавян, не пришедшая к ним на помощь. Но... эшелоны с немецким воинством беспрепятственно двигались на восток, поскольку командованию АК была поставлена задача в интересах ослабления немецкого давления на английские части, идущие с запада эшелоны... пропускать. А с тем, чтобы они не вернулись на запад, разрушение коммуникаций начать только тогда, когда эти побитые Красной Армией дивизии побегут обратно.

Все эти маневры, как и самую сдачу Варшавы, Бур-Комаровский в сообщении в Лондон откровенно назвал «полезной политической игрой». Вот так эти политиканы в угоду своему хозяину играли судьбами не только сотен тысяч людей, но и самой Польши. Ведь в то время, когда гибли восставшие варшавяне, «Польша имела двести тысяч регулярных солдат под ружьем, 500 танков, 300 самолетов, несколько тысяч орудий...». Где они, почему не спасают от уничтожения свою столицу, варшавян – цвет нации? Потому что в это время они гибнут за интересы чужой нации. В Англии при польском правительстве существовал авиадесантный корпус с отборным составом добровольцев – летчиков и парашютистов. Он предназначался для действий на территории Польши. Но в самые кризисные дни Варшавского восстания «вопреки протестам командиров и солдат, несмотря на голодовку, объявленную всем составом бригады, и эта часть была передана под командование Монтгомери...». Что говорить, если защищая Англию, погибли две тысячи польских летчиков, а когда оставшиеся в живых требовали направить их под Варшаву, английский маршал авиации счел невозможным использовать их там, «ввиду слишком большого риска». А что же польское «правительство»? Оно, дабы не осерчали приютившие их хозяева, всегда с ними согласно. Опять предательство страны, которую они якобы представляют.

После поражения Варшавского восстания и роспуска Армии Краевой, как враждебного советскому командованию вооруженного формирования, оказавшегося в тылу Красной Армии, был арестован и осужден руководящий подпольный центр АК во главе с генералом Окулицким, оставленным для организации антисоветской деятельности. Все эти события делали положение лондонского эмигрантского правительства Польши безнадежным, поскольку оно окончательно утратило возможность влиять на события в своей стране. Созданный в первом же освобожденном польском городе и получивший наименование Люблинского, Комитет освобождения взял на себя функции управления на всей освобожденной территории Польши. Однако, имея поддержку и заинтересованность в нем английского правительства, эмигрантское правительство в Лондоне пыталось как-то восстановить свое влияние. Надо сказать, что в силу даже простой человеческой и патриотической солидарности многие в Польше, особенно в среднем слое, в среде обывателей, эмигранты пользовались определенной поддержкой, и советскому правительству с этим приходилось считаться. Большинство простых людей Польши слабо разбиралось в политике и плохо представляли зловещую роль своего руководства в трагической судьбе их страны: никто из них даже и не знал, что Советский Союз пред-

лагал Польше защиту, готов был своей армией заслонить ее от немецкого нашествия, но из-за шляхетского гонора, а, главное, из боязни распространения с открытием советской границы «революционной заразы», возможности потери поместий и замков, шляхетское правительство самонадеянно отказалось от советской помощи. Оплакивая гибель Варшавы, большинство поляков даже не подозревало, что кровь их сограждан лежит на совести лондонских политических авантюристов. Следует, однако, заметить, что ответственность за те беды, которые Польша при более разумной политике могла избежать, польское руководство должно разделить с его покровителями и подстрекателями – английским правительством. Ведь это они заверяли поляков в немедленной помощи в случае немецкой агрессии, но, объявив Германии войну, ничего не сделали для защиты Польши; они же подстрекали начать восстание до прихода советской армии, чтобы первыми оказаться в столице, но опять же ничего не сделали, чтобы помочь восставшим (кроме нескольких контейнеров, сброшенных с самолетов, которые, однако, почти все попали к немцам).

Вся деятельность английского правительства здесь свелась к дипломатическим пассажам вокруг границ Польши и состава будущего ее правительства, как будто это сейчас было главное, т. е. дипломатическая пыль вместо реальной помощи. Действительный интерес англичан в Польше станет очевиден вскоре, когда Черчилль будет нудно торговаться со Сталиным по поводу расширения границ Польши на два-три километра в сторону Западной Украины. Но встанет на дыбы, когда Сталин предложит значительно увеличить польскую территорию за счет побежденной Германии, ранее отвоєванную у поляков – тут вся любовь Черчилля к Польше вмиг испаряется. Теперь уже Сталин говорил Черчиллю о необходимости сохранения независимой и сильной Польши, не скрывая, зачем ему это нужно: он был уверен, что через 20–30 лет Германия «сможет начать все сначала», и потому хотел видеть у границы России сильное и дружественное ей государство. Но в том-то и дело, что панская Польша в лице ее лондонских сидельцев никак не хотела становиться дружественной к своим соседям: да-да, они, эти безумцы, как их теперь и сами Черчилль с Иденом открыто называли, потеряв с ними всякое терпение, упорно выставляли территориальные притязания не только к Советскому Союзу, но и к другим своим соседям, например, Чехословакии. Их не смущал даже тот факт, что «спорные» земли были получены ими в соответствии с позорным Мюнхенским соглашением, и они вместе с Германией участвовали в разгроме Чехословакии.

И вот, Сталин, несмотря на все это, в интересах сохранения согласия с союзниками, в надежде в будущем иметь у границ России дружественное государство, считаясь с тем, что лондонское правительство имеет «определенное влияние в некоторых кругах» современной Польши, продолжал вести с ними дипломатические переговоры, не отбрасывая возможность участия его менее одиозных членов в ее будущем коалиционном правительстве.

После начала Отечественной войны Советский Союз легко установил отношения со всеми правительствами государств, пострадавших от гитлеровской агрессии, заявив о непризнании Мюнхенского соглашения, что особенно важно было для чехословацкого правительства Бенеша (Англия, кстати, сделала это гораздо позже). И только с польским правительством в Лондоне были сложности: в лице своего премьера Сикорского, прибывшего для переговоров в Москву в декабре 1941 года, оно потребовало восстановления границы, существовавшей до 1939 года, т. е. требовало вернуть в состав Польши Западную Белоруссию и Западную Украину, на что, конечно, Сталин не согласился, и Сикорский уехал ни с чем. Эти совершенно нереалистичные требования опирались, однако, на определенную поддержку англичан, а, главное, на расчеты, как пишет Д. Боффа, «что СССР выйдет из войны обескровленным и изувеченным, а Польша между тем утвердится в Восточной Европе как самое могущественное государство региона», хотя эти расчеты «выходили за всякие разумные пределы» (История Советского Союза. М., 1994).

Пули немецкие – домыслы шляхетские. После поражения немцев под Сталинградом и крутого перелома в войне подобного рода надежды стали улечиваться, и им пришлось быть более сговорчивыми, но здесь возник новый предлог для конфронтации: весной 1943 года немцы заявили, что они обнаружили в деревне Катынь под Смоленском ров, заполненный трупами нескольких тысяч расстрелянных польских офицеров, обвинив в этом советские власти. Поляки в Лондоне тут же, не дожидаясь ответа Москвы на эти обвинения, подняли шум на весь мир, приняв версию германских ведомств и требуя организации международной комиссии для расследования дела. Создание такой комиссии и, тем более, ее работа в условиях, идущих в этом регионе боев, была заведомо нереальной. Правда, немцы комиссию, состоящую из представителей посольств, журналистов «нейтральных» стран и стран-сателлитов, и «свидетелей», собранных под дулом пистолета (а позже немцами же и уничтоженных), создали, но что она, возглавляемая немецкими эмиссарами, могла заявить, кроме как признать версию геббельсовской пропаганды? Стремясь уничтожить все признаки польской культуры и ее потенциал, Гитлер не считался ни с чем, истребляя при всякой возможности ее элиту, примером чему является уничтожение за одну ночь всей интеллигенции города Львова в 1941 году. Почему же они должны были посчитаться с польскими офицерами, которых советские власти не успели эвакуировать – это ведь тоже была элита польской (хотя бы и военной) культуры. В подтверждение той или иной версии выдвигается множество аргументов, но все они противоположной стороной не признаются достаточными. В последнее время наши политические мазохисты, якобы нашли какие-то «протоколы НКВД», подтверждающие немецкую версию, но кем, как и зачем фабрикуются такие «документы» мы уже знаем. «Правда о катынской трагедии, – пишет Д. Боффа, – так и не установлена с полной объективностью». Расстрел обреченных во рву – это обычный способ казни эсэсовскими зондер-командами, свидетельство тому Бабий Яр под Киевом, расстрел более ста тысяч советских военнопленных под Псковом как раз в это же время.

Немецкое руководство, убедившись после Сталинградской катастрофы и отступления на Северном Кавказе, что, вероятно, советскую территорию придется оставить, начало кампанию, чтобы представить свои массовые казни гражданских лиц и военнопленных как действия «конвейера ГПУ». Брошюры и листовки под таким названием распространялись тогда на всей оккупированной немцами территории, так что обвинение советских властей в катынской трагедии – это лишь один из эпизодов большой фальсификации, осуществленной ведомством Геббельса. Впрочем, аргументация и сами приемы фальсификации событий советской истории, используемые этим ведомством, очень любимы многими «объективными» историками Запада, особенно, что касается истории войны, так что продолжающиеся временами вспышки полемик по ее более чем очевидным фактам, давно никого не удивляют.

Всплеск эмоций и дипломатических ходов по поводу Катыни был связан с публикацией книги Ю. И. Мухина «Катынский детектив» (1995). Как пишут издатели этой книги, «поляки при пособничестве Горбачева и Яковлева сфабриковали так называемое «Катынское дело» о якобы убийстве в СССР 8 тысяч пленных польских офицеров... В Польше 800 тысяч (!) родственников этих офицеров приготовились получить в России денежную компенсацию за убитых. Выход в свет в 1995 году книги Мухина поставил на этих алчных мечтаниях крест – даже полякам стало ясно, что польских офицеров расстреляли немцы и поэтому денег они не получают. «Катынский детектив» удостоился высшей награды – ее рассмотрел польский Сейм, депутаты которого выплеснули свое разочарованное негодование Госдуме России, но о денежной компенсации от России Польша вынуждена была замолчать». Правда, наша Дума извинилась перед Польшей за гибель польских офицеров, а вот их Сейм почему-то не извиняется по поводу гибели не восьми, не пятнадцати, а ста восьмидесяти тысяч пленных красноармейцев в их лагерях в 1920 году. Они все отрицают. Поэтому хочется спросить наших «думцев» – почему вы-то трясете, как вы сами полагаете, грязным бельем свой родины-матери? Или Россия вам не мать, вы просто подкидыши? Кто вас нам подкинул? И какое право вы имели извиняться, так

легковесно «поверив» в заведомую ложь против своей страны, которую вы, якобы представляете?! Ваши «извинения» являются государственным преступлением против России! Ведь еще советской государственной комиссией, в которой учувствовал американский юрист, дочь американского посла в СССР Гарримана, было неопровержимо доказано свидетельскими показаниями и письменными источниками, в том числе письмами и дневниками польских офицеров, найденными комиссией на их трупах, датированными июнем 1941 года, тем самым доказывающими, что уже в начале войны они еще были живы. Об этом же свидетельствуют дневниковые записи поставленного оккупантами бургомистра Смоленска, где он пишет о расстреле польских военнопленных немцами. Об этом свидетельствуют материалы Международного Военного Трибунала в Нюрнберге, где уже заместитель этого бургомистра профессор Базилевский подтвердил факт расстрела немцами польских офицеров.

Эти документы невозможно подделать. А вот «документы», представленные самозваными обвинителями нашей страны в доказательство расстрела польских офицеров НКВД, как показал Конституционный Суд РФ, являются заведомой фальшивкой. Те четыре миллиарда долларов, что поляки требуют от нас, вы должны заплатить из собственного кармана (ваше супервысокое «содержание» как депутатов это позволяет), только не Польше, а России в качестве компенсации за незаслуженное оскорбление, и это будет минимальным наказанием за ваше государственное преступление.

О том, что это именно подлое оскорбление, инспирированное антирусской злобой польского шляхетства, подхваченное русофобской пропагандой Запада с целью дискредитации России, сейчас, в виду уж явной лживости обвинений, вынуждена писать даже наша «желтая» пресса. Так, в статье «Поляков в Катыне расстреляли немцы», напечатанной в «Экспресс газете» № 18 (май 2012 г.) Владимир Казаков пишет: «Европейская пропаганда использует против России фальшивые документы и лживые доказательства». Он приводит наряду с уже известными фактами расстрела поляков в Катыне немцами, ряд новых свидетельств такого рода. Как вообще можно игнорировать тот факт, что поляки были убиты из немецкого оружия – «вальтеров», крупнокалиберных пулеметов, немецких винтовок. Об этом свидетельствуют найденные на месте преступления гильзы от этого оружия. Или советское правительство заранее купило это оружие, чтобы потом обвинить в расстреле самих немцев, как это теперь «объясняют» фальсификаторы истории? Но ведь подобное «объяснение» смеху подобно и может быть рассчитано только на абсолютных идиотов. Кто же тогда в 40-м мог подумать, что немцы, с которыми у нас договор о ненападении, все же вскоре нападут? Конечно, возможность войны с Германией допускалась, но чтобы они дошли до Смоленска – это тогда никому и в голову не могло прийти. Ведь представлялось, что в случае нападения, мы его отразим «малой кровью, могучим ударом» и будем воевать уже на земле врага. Но главное даже не в этом, а в том (и это уже вообще никакими домыслами неопровержимо), что гильзы использованных патронов имеют маркировку 1941–1942 годов.

А то, как и зачем были сфабрикованы фальшивые документы, якобы существовавшие в советских архивах, сообщил в своем заявлении в Госдуму в 2010 году ее депутат, бывший заместитель Генерального прокурора СССР Виктор Илюхин, требуя рассмотреть факты подобного рода и принять соответствующее решение. Илюхин вскоре скоропостижно скончался, а вопрос был «замят». Суть же дела в том, как пишет Владимир Казаков, что из высказываний одного их главных «подельщиков» следует, «что в начале 90-х годов прошлого века была создана группа специалистов высокого ранга по подделке архивных документов, касающихся важных событий советского периода. Эта группа работала в структуре службы безопасности российского президента Бориса Ельцина... Работа членов группы хорошо оплачивалась, они получали продуктовые наборы... Заявитель продемонстрировал «механизм подделки подписей Лаврентия Берия, Иосифа Сталина (были приложены копии листов)... Непосредственное участие в написании текста (поддельных документов) принял полковник Климов». Кстати,

сотрудник Конституционного Суда РФ, просто потешался над грубостью подделки документов «по Катыне», так что возникла уверенность, что подельщики это сделали нарочно, чтоб в них все же никто не поверил. Но ведь вот «поверили»! Поэтому наша Госдума и Правительство обязано извиниться перед российской общественностью за ошибку и официально заявить мировому сообществу, что поляков в Катыне расстреляли немцы, представив существующие неопровержимые тому доказательства.

Е. Прудникова и И. Чигирин в книге «Катынь. Ложь, ставшая историей (М., 2012) пытаются поставить точку в катынском деле, используя не эмоции и политические интриги, а исключительно факты.

Тогда же, советское правительство, ввиду столь поспешного и необдуманного заявления «лондонских» поляков, разорвало с ними отношения, видя их склонность принимать сторону немцев. Последняя возможность установить если и не дружественные, то хотя бы нормальные отношения с Россией, была потеряна бывшим польским правительством, когда в октябре 1944 года по настоянию Черчилля сюда прибыл их премьер Миколайчик. Под нажимом англичан он согласился на компромиссный вариант новой польской границы, но, вернувшись в Лондон, обнаружил, что его «соратники» об этом и слышать не хотят, и подал в отставку. Но и в этих условиях Сталин соглашался включить в Люблянский комитет (перебравшийся уже в развалины Варшавы и в качестве правительства осуществлявший гражданское управление на всей освобожденной территории Польши) менее антисоветски настроенную часть «лондонцев». Но их и это не устроило, им нужна была вся власть, хотя и право, и реальную возможность взять ее они давно потеряли. После освобождения всей территории Польши ее новое коалиционное правительство, включавшее членов различных партий, незамедлительно провело земельную реформу, национализировало значительную часть промышленности, изменило административное деление страны в соответствии с существенным изменением границы и приобретением новых территорий на севере и западе. Активно началось восстановление Варшавы, промышленности и сельского хозяйства, опиравшееся на помощь своей и Советской армий, советского правительства. В помощи, запрошенной на Западе, Польше было отказано. Дескать, раз вы с Россией, значит против нас.

Очерк 2

Фашизм как проявление деградации западноевропейской культуры

Западные «демократии» отрекаются от фашизма как от чуждой им идеологии и политической системы, однако эта идеология и система – их родное дитя. Национал-социализм является воплощением в реальность идей европейской философской «парадигмы» и идеологии индивидуализма в сочетании с традиционной жестокостью англосаксонского, германского и вообще «нордического» духа. Без этого были бы невозможны мировые войны, где в большей степени гибли не солдаты, а гражданские лица. И в этой преступной тенденции к геноциду преуспели как германцы, так и англосаксы. Конкретное выражение распад западноевропейской культуры как раз и получил во все усиливающемся стремлении к уничтожению не столько армии противника, сколько его гражданского населения. Североамериканские, английские и немецкие лагеря смерти, «ковровые» бомбежки жилых кварталов городов с уничтожением в одночасье сотен тысяч мирных жителей, атомные бомбардировки японских городов; злобные планы американских генералов по тотальному уничтожению наших городов атомно-фугасными средствами с гибелью десятков миллионов граждан (причем, эти людоеды заведомо исходили из того, что армия при этом практически не пострадает и останется боеспособной) – разве это не потеря элементарной нравственности, не признак разложения культуры народа, терпящего правящую элиту с такой моралью?!

Самым подлым и вопиющим преступлением фашизма (и тех, кто его взрастил) против нашего народа была гибель более миллиона ленинградских жителей, которым преднамеренно не позволяли эвакуироваться из осажденного города, убивая всех, кто пытался его покинуть.

Подвиг ленинградцев в кривом зеркале фальсификаторов. Фальсификаторы не обошли мимо и факт беспримерной стойкости гражданского населения в сопротивлении немецким захватчикам, стремясь переложить ответственность за потери среди мирного населения с гитлеровцев на... советское руководство. Особо излюбленным примером лицемерных воздыханий является героическая оборона Ленинграда, где население проявило не меньше героизма, чем обороняющие его солдаты. Наиболее объемистая книга на западе, посвященная обороне Ленинграда, принадлежит все тому же Г. Солсбери, которая вышла в Англии в 1969 году под названием «Осада Ленинграда». Уже само название (не оборона, а осада) говорит явно за то, что он смотрит на событие исключительного исторического значения не со стороны обороняющихся ленинградцев, а с позиций осаждающих город захватчиков, что, конечно, он пытается всячески замаскировать, но это ему плохо удастся. «Пользуясь приемом намеков и недоговоренностей, Солсбери пытается внушить читателям, что советское руководство, якобы, не уделяло должного внимания защите Ленинграда, и даже готово было сдать город противнику», – пишет Г. К. Жуков. И далее: «...Причину больших потерь населения он видит не в жестокости фашистов, а опять же в ошибках и промахах советского руководства». Но то, что Солсбери говорит в форме намеков или инсинуаций, рецензенты его книги в Англии и США высказывают уже откровенно. Так, Эдвард Кренкшоу в рецензии на книгу Солсбери считает осаду Ленинграда результатом «смеси преступного равнодушия и ожесточенной политической борьбы», но, разумеется, не со стороны германского, а советского руководства. Однако даже на Западе не все одобрили книгу Солсбери. Как раз такие известные историки как Э. Дж. П. Тейлор и не менее известный английский писатель Ч. П. Сноу оба обнаружили суть задачи Солсбери – сваливая ответственность на советское руководство, обелить фашистских захватчиков. Но, как пишет Жуков, «авторы подобных книг бессильны изменить неопровержимые факты

истории. В величии подвига ленинградцев, как в зеркале, отразилось превосходство советской морали, мужество и стойкость советских людей, их преданность идеалам социализма, превосходство советского военного искусства над военным искусством гитлеровского вермахта. Без признания этой аксиомы невозможно ни понять, ни объяснить ход и исход Великой Отечественной войны Советского Союза в целом и отдельных ее битв, в частности таких, как борьба за Ленинград».

Антисоветски настроенные историки и журналисты едины в стремлении опорочить советское правительство, обвиняя его в гибели миллиона ленинградцев, не заботясь, однако, об основательности обвинений и даже противоречия друг другу в их выборе: одни обвиняют советское руководство в том, что оно готово было сдать Ленинград и потому не подготовило город к обороне, другие, наоборот, обвиняют его в том, что, не желая сдать северную столицу, пожертвовали ее населением. Но оба эти утверждения одинаково ложны. Безопасность Ленинграда всегда беспокоила советское руководство, и, собственно, это и было основной причиной всей «финской компании». И, конечно, никто город не собирался сдавать ни в 1917 году (кроме разве что Керенского и белых генералов), ни в 1941, хотя вероятность захвата его противником учитывалась. Именно поэтому еще до подхода немецких войск к Ленинграду началась эвакуация его жителей (прежде всего детей) и наиболее уникальных ценностей, и она продолжалась на всем протяжении блокады в той мере, в какой это позволяли обстоятельства. Было намерение вывезти на восток даже памятник Петру I «Медный всадник», однако от этого отказались, будто бы вспомнив легенду времен Отечественной войны 1812 года. Тогда, в ожидании похода Наполеона на Петербург, тоже собирались вывезти этот памятник на Север, но по настоянию Александра I оставили в Петербурге. Царю приснился вещий сон: к нему на коне явился Петр Великий и, простирая руку над городом, сказал: «Пока я здесь, ноги врага не будет в моем городе!» И снова «Медный всадник» занял в своем городе пост № 1. Павел Антакольский в те дни призывал его:

Медный всадник над славной рекой,
Старый друг вдохновенья в России!
Встань на вахту с простертой рукой!
Ты России сулил непокой, —
Так победу опять принеси ей.

Легендами жил, легендой стал для нашего народа подвиг Ленинграда, его Дорога жизни, пуск первого трамвая весной 1942 года. Немцев, осаждавших тесным кольцом Ленинград и в стереотрубы наблюдавших за его жизнью и, как им казалось, умиранием, поразили, и даже потряс этот, казалось бы, обыденный факт. Увидев в вечернем небе Ленинграда какие-то вспышки, командующий спросил с изумлением – что это такое? Они пустили трамвай – ответили ему, и генерала чуть не хватил удар; теперь стало ясно – города им не взять!

Первоначально группе армий «Север», которыми командовал фельдмаршал фон Лееб, была поставлена задача – взять Ленинград, основную часть жителей уничтожить, оставшихся в живых депортировать, а город сравнять с землей. Такая директива дана была Гитлером еще в июле 1941 года, но, столкнувшись с непреодолимым сопротивлением ленинградцев, Гитлер приказал окружить город, никого из него не выпускать и, лишив снабжения, уморить голодом. Вот как записано это распоряжение «фюрера» в дневнике верховного командования вермахта от 25 мая 1942 года: «Ввиду того, что 2,5 миллиона жителей Ленинграда могут быть эвакуированы в течение примерно 10 недель, фюрер приказал подавлять эту эвакуацию всеми средствами, чтобы не допустить улучшения продовольственного положения в городе...» (Г. Пикар. Застольные беседы Гитлера. Смоленск, 1993. Примечания, с. 305). А несколько ранее в «Волчьем логове» под Винницей Гитлер спокойно рассуждал за обедом о людоедстве в Ленинграде,

где «теперь умирает примерно 15 тысяч человек» (там же). Когда же ему сообщили, что некоторое количество ленинградцев все же смогли по Ладоге эвакуироваться, он пришел в ярость и приказал своим люфтваффе уничтожать там с воздуха любые виды транспорта. И его славные ассы, пытаясь оправдать доверие фюрера, гонялись за каждой лодкой и баржей. Что ж, тому поколению еще и раньше приходилось слышать о подобных всплесках арийской культуры: расстреливать беженцев с воздуха фашистские стервятники учились еще в Испании, и тогда уже в наши школьные учебники вошли стихи поэта-очевидца:

Сожженный автобус, убитые дети,
валяются куклы в пыли...
Так встречены были культурой арийской
дети испанской земли...

Не приходится сомневаться в том, что Россию и ее народ ждала та же участь, что Гитлер «предначертал» Ленинграду. Об этом достаточно подробно и очень живописно поведал он своим сотрапезникам в ежедневных застольях в бункерах его Ставок в «Волчьем логове» и «Волке-оборотне». Эти мрачные наименования, как и партийная кличка Гитлера «Волк», должны были уstrasшить сперва немецкий народ, а потом уже и весь мир. Но не так черт страшен, как его малюют. Мир честных и смелых людей не испугался, не испугался волка-оборотня и русский народ, и потому его бредовые идеи остались примером вырождения европейской, да и вообще человеческой культуры в одной «отдельно взятой стране». Парадоксом здесь является то, что деградация культуры предрекалась и даже констатировалась для всей Европы соотечественником Гитлера, его теоретическим наставником Шпенглером в напущенной книге «Закат Европы». Правда, Шпенглер скоро понял, что его пророчества сбываются наиболее выпукло в его отечестве и именно в форме национал-социализма и потому от Гитлера политически отстранился. Несмотря на это, Гитлер всю использовал критику Шпенглера европейской, буржуазно-капиталистической, техницистской цивилизации в своих пропагандистских пассажах, хотя сам был порождением этой разложившейся культуры. Шпенглер в отношении «заката» Европы был, конечно, прав: ведь появление фашизма в недавно побежденной, ограбленной и униженной алчными колониальными державами стране было результатом европейской политической «культуры». То, что унижение и ограбление достаточно воинственного и политически активного народа в центре Европы добром не кончится, было ясно еще в двадцатых годах даже таким и не очень-то дальновидным, но известным политикам, как Керенский, называвший Версальский договор хищническим и несправедливым. Потом же, когда, воспользовавшись ущемленным самолюбием немцев, Гитлер захватил власть и открыто потребовал вернуть Германии утраченное, хищники сами поджали хвост и залезли перед ним, всячески подталкивая экспансию нацизма на Восток. Правда, первой жертвой фашизма стала республиканская Испания. Все честные люди встали на ее защиту, но тут вдруг деятели «демократических» стран, еще недавно занимавшиеся дележом чужих стран и целых континентов, встанут в позу защитников международного права и принципа невмешательства, т. е., как тот Пилат, умоют руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.